Современное положение и наша программа

Памяти Марии Корн: По случаю исполнившейся 11 января с. г. 20-й годовщины со дня смерти Марии Исидоровны Гольдсмит (лит. псевдонимы М. Корн, М.Изидина) мы печатаем ниже, с небольшими сокращениями, ее статью “Современное положение и наша программа”, которая была написана в 30-х годах, но которая и до сих пор не потеряла своего интереса. Редакция ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ, N° 41, с. 17-23

Современное положение в области социальных идей определяется обычно как кризис всех идеологий, существовавших в довоенную эпоху, как крушение всех партий и всех партийных программ, в те времена существовавших. Теперь, говорят нам, нужно нечто совершенно новое; все эти старые идеалы и старые пути устарели. Правда, новых идеалов и новых путей нам не показывают, а если и показывают, то в них легко бывает узнать нечто гораздо более старое, чем те, столь хулимые до-военные идеалы, которые хотят заменить. “Новое” оказывается, в сущности, возрождением давно прошедшего, которое считалось лет 30 тому назад безвозвратно канувшим в вечность. Это не значит, конечно, что за эти годы ничто не изменилось и что теперь можно и достаточно говорить тем же языком, каким говорили в начале этого века или в конце XIX-го. Современная наша эпоха не дала пока, в области передовых общественных идей, ничего действительно нового; но она ставит старым идеям, старым миросозерцаниям новые требования, новые задачи. Дать ответ на эти новые требования и задачи каждое общественное направление обязано; если оно этого н делает от него отворачиваются, как от практически непригодного, к жизни неприложимого. А это в момент ломки старой жизни и строительства новой — самое большое осуждение.

Теоретическое миросозерцание анархизма было выработано и формулировано в эпоху, когда социальная революция и уничтожение существующего строя были возможностями более или менее отдаленного будущего. В то время достаточно было твердо установить исходные точки и наметить в самых общих чертах пути. Теперь момент осуществления придвинулся к нам, придвинулся настолько, что построение положительной программы, предлагающей определенные решения для задач, которые ставит жизнь, становится необходимостью. Какого рода эти задачи? Их можно свести к трем категориям: *задачи экономического, политического и морально-бытового характера.*

Центр тяжести лежит, главным образом, в задачах экономических: они стоят в центре общественного внимания и именно их разрешение составляет историческую миссию нашего времени. Кроме того, от ответа на вопрос экономической организации общества зависит в значительной мере и решение вопроса политического и общекультурного характера. Всемирный острый экономический кризис показывает, что капиталистический строй — частью в своем естественном развитии, а частью благодаря экономическим пертурбациям,

связанным с войною, — привел к такому абсурдному положению, которое делает дальнейшее существование его невозможным... Поэтому дни существующего экономического строя сочтены — в силу причин исторических и экономических и в силу изменившейся психологии угнетаемых им классов. Но какой порядок придет ему на смену? Дает ли удовлетворительный ответ на этот вопрос та попытка построения нового общества, которая происходит на наших глазах в России?

В сущности программа, проводимая большевиками, не так радикальна, как обычно кажется; наоборот, она вносит в экономический порядок, особенно в организацию промышленности, лишь очень поверхностные изменения национализация средств производства и всех наличных общественных богатств страны в руках государства, которая в России считается строительством социализма, в сущности представляет собою только иную форму, государственную, капитализма. Государство является одним, всемогущим хозяином-капиталистом, держащим в своих руках миллионы наемных рабочих и служащих — все население. Труд от такого перемещения капитала далеко не становится более свободным: переменить хозяина рабочий не может, бороться с ним тоже не может, потому что в руках хозяина не только экономическая, но и политическая, и административная власть. Забастовка — главное оружие рабочей борьбы в капиталистическом строе — карается, как политическое преступление; профессиональный союз — естественный защитник рабочих интересов — превращается в официальное учреждение и служит интересам всемогущего хозяина, а не рабочего. Все это очень далеко от той картины положения трудящихся, которую мы привыкли связывать с представлением о социалистическом обществе. А за последние годы к этому присоединилась еще насильственная коллективизация крестьянства, в сущности представляющая собою грандиозную операцию отнятия у крестьян земли (которую дала им революция) и обращение их в пролетариев-наемников, согласно упрощенной марксистской схеме. Прибавим, что ценою этого угнетения трудящегося населения даже не куплено экономическое благосостояние его: самые насущные, элементарные потребности масс остаются не удовлетворенными.

В области политической наблюдается довольно парадоксальное явление. Разочарование в парламентском строе и в той фикции народного представительства, на которой он основан, широко распространено в странах парламентского режима. Силы финансов и банков, работающие за кулисами политических учреждений, стали так громко и открыто заявлять о себе в последние годы, что ни у кого не остается иллюзий относительно честности и искренности политической игры правящих классов. О “кризисе парламентаризма” говорят все — и на разные лады. Но в каком направлении ищут выхода? Как это ни странно, но политическая мысль идет не вперед, а назад: не к развитию самоуправления и федеративных начал, не к ограничению полномочий власти, а, наоборот, к усилению власти, к различным формам диктатуры, от фашизма справа до большевизма слева. Это обесценение тех свобод, которые народы завоевали себе ценою ряда революций, ценою своей крови, коренится отчасти в привычках, созданных войною, когда в течение 4 лет почти вся Европа была превращена в военный лагерь, это не могло не отразиться на общественной психике. Но режим диктатуры — не ответ на вопрос: какая политическая форма призвана заменить отживший и разложившийся парламентский режим?

Тем же духом проникнуты и те изменения, которые происходят на наших глазах в области пониманий нравственных и бытовых. Война, диктатура справа и слева, экономические организации типа “военного коммунизма,” попытки “социализации быта” в России — все это приводит к обесценению личности, к отрицанию всяких прав ее, к все более полному поглощению ее коллективностью. Общество - все, личность — ничто. Одни во имя патриотического долга, другие во имя интересов “пролетарского государства” приносят в жертву все ее запросы и потребности. Уже XIX веку, боровшемуся за все более полное и всестороннее освобождение личности, противопоставляют век XX, век торжества коллектива; но может ли человечество с этим помириться? Может ли личность, уже раз раскрепощенная умственно и сознавшая свои права и запросы, согласиться на возврат к духовному рабству? Может ли она, раз проснувшись, вновь заснуть? Очевидно, нет, и очевидно, что на очереди стоит выработка таких общественных форм, в которых свободное развитие личности примирялось бы с интересами общества. Это – работа , которая анархистам ближе, чем кому бы то ни было, они необходимо должны внести в нее свою долю.

Таковы стоящие перед нами — как и перед всею общественною мыслью мира — вопросы. Какие же ответы может дать на них анархизм?

***

К какой бы области жизни мы ни обратились, мы должны прежде всего помнить нашу основную исходную точку зрения : общество — естественная и необходимая форма жизни людей; без него человечество не могло бы существовать и развиваться; но общество должно служить личности, а не требовать себе служения. Реальное существование имеет только личность, и мерило ценности всякого общественного строя — в том, насколько он обеспечивает материальное и духовное благосостояние и развитие его членов. И если каждая личность может жертвовать собою ради блага человечества, то никакой коллектив, никакая общественная организация этой жертвы требовать от нее не имеет права. И экономические, и политические формы имеют значение и представляют интересы только в свете того, что они дают составляющим общество личностям.

Какие же ответы подсказывает нам этот основной принцип на поставленные вопросы? Само собою разумеется, что мы не можем предвидеть, когда, в какой степени явится возможность осуществления наших стремлений и какова будет в тот момент окружающая обстановка. Мы, поэтому, и не имеем в виду построение каких-нибудь подробных программ. Но что можем и должны обдумать, это те общие линии, по которым должна идти деятельность анархистов в любой момент и в любой исторической обстановке.

В области экономической наши взгляды группируются вокруг двух центральных идей: 1) организовать производство так, чтобы оно служило удовлетворению потребностей, т. е. подчинить его нуждам потребления, и 2) освободить труд, уничтожив его наемный характер и связанное с этим наемничеством разделение общества на рабочих и работодателей (или на единственного работодателя, каким является государство в схеме государственного социализма, и массу целиком подчиненных ему служащих). Путь, который намечается к

этому в настоящее время, это передача заведывания производством в руки союзов производителей; таким союзом могут сделаться (и, вероятно, сделаются) современные профессиональные рабочие союзы, с присоединением к ним всякого рода техников, специалистов и вообще работников умственного труда. Между различными видами труда мы не видим основания устанавливать какую бы то ни было иерархию. и труд физический и труд умственный мы ставим во всех отношениях на один уровень, не признавая никаких привилегий ни за тем, ни за другим. К тому же в дальнейшем ходе общественного технического развития это деление труда на две категории вообще должно мало помалу исчезать.

Раз профессиональные рабочие организации призваны взять в руки производство после экспроприации капитала, то подготовка их к этой будущей роли — подготовка идейная и подготовка техническая — является самой насущной задачей. Поэтому все, что так или иначе может содействовать этой подготовке, как, напр., рабочий контроль, расширение экономических и профессиональных знаний, накопление статистических материалов в этой области и т. д. заслуживает с нашей стороны самого серьезного внимания. Затем существует один, очень трудный, вопрос, который неизбежно встанет при всякой попытке организации производства "на другой день" после революции: это — вопрос о том, какими путями увеличить производительность труда. Ведь если в современном обществе существуют “излишки”, то очень возможно, что эти “излишки” — кажущиеся, что все эти “излишние” продукты просто недоступны для нуждающихся в них. Революционное же общество, которое первою своею задачею поставит сделать все наличные богатства доступными для всех, по всей вероятности, вовсе не окажется чересчур богатым, тем более, что в первый период, в момент острой борьбы и ломки, а может быть и гражданской войны, правильный труд может приостановиться, и много богатств может погибнуть. Поэтому, когда производство наладится, оно должно будет идти интенсивно. Что может быть сделано для этого?

Начнем с того, что не может быть сделано: это расчистит почву. Прежде всего, решительно и безоговорочно должны быть отброшены все те меры, к которым прибегает с этою целью в России единственный и всеобщий работодатель — государство: прикрепление рабочего к профессии или к предприятию; соревнование и ударничество; премии и награды за высшую производительность труда и дисциплинарные взыскания за низшую и т. п. Все эти меры — пережитки старой, даже не-капиталистической, а крепостной, рабской и рабовладельческой психологии, с которою революция должна раз навсегда покончить. Этим, давно устаревшим и развращающим приемам мы противопоставляем необходимость прежде всего охранить и поднять достоинство человеческой личности, которое беззастенчиво приносится в жертву таким мерам. Даже если бы они были действительно целесообразны и практичны, мы и тогда отвергли бы их; но, кроме того, всё, что мы знаем о процессе человеческого труда, говорит нам, что свободный труд производительнее принудительного, что психология работающего — существенный фактор производительности труда, что его независимость, его спокойствие, его интерес к работе действительнее всяких мер внешнего воздействия. Если современная педагогия отвергает всякие награды и наказания по отношению к детям, если даже в дрессировке животных начинают понимать вред насилия, то как может какая бы то ни было партия, считающая себя представительницею и защитницею рабочего класса, прибегать к таким мерам по отношению к тем самым трудящимся, которых она на словах

возносит на высоту?

То же можно сказать и о рационализации: она полезна и допустима постольку, поскольку ее создают сами трудящиеся и в пределах, ими определенных, в противном случае она должна быть отвергнута, даже если бы она давала экономически-блистательные результаты в смысле накопления богатств. Точно также и пресловутая индустриализация, которой в России в настоящее время приносят в жертву самые насущные интересы населения: ведь открыто провозглашается, что население должно голодать и нуждаться в самом необходимом ради того, чтобы в будущем Россия стала промышленною страною. “Перегнать Америку!” — лозунг, кажущийся просто хвастливым, но не это важно: важно то, что если в Америке (да и повсюду в капиталистическом мире) колесница промышленности в своем быстром беге вперед всегда давила бесчисленные жертвы, то это — последний пример, которому может подражать общество, строящееся под лозунгом социализма.

В этой же плоскости ставится еще один вопрос громадного значения. Это — отношение между городом и деревнею. Мы знаем, как неудачно был этот вопрос решен в России, начиная с продразвертски эпохи военного коммунизма и кончая массовой насильственной коллективизацией. За это легкомысленное (или доктринерское) решение революционная страна поплатилась голодом 1921 года и платится теперь неисчислимыми бедствиями в крестьянском населении и тяжелою нуждою в городах. Нечего и говорить, что анархизм в корне отрицает такие пути: насильственную борьбу он признает только с эксплуататорами чужого труда; крестьянин же, сам обрабатывающий свою землю, как и ремесленник, как и кустарь, — такие же трудящиеся в его глазах, как и работники фабрично-заводского труда. Как ни чужда социализму психология мелкого собственника, как ни убежден всякий социалист в преимуществах — и моральных, и материальных общественной собственности и общественного труда, он не имеет права навязывать свой идеал силою тем, кто еще не дорос до него. Торжество вольного коммунизма мы ждем от пропаганды, от примера, от естественного хода развития. Пусть коммунистическое хозяйство на земле будет во всех отношениях образцовым — и мелкий собственник сам придет к нему. Путь разорения крестьянства и насильственного насаждения коллективных хозяйств, уже не говоря о тех страданиях, которые с ним связаны, только возбуждает ненависть к коммунизму и отдалит его торжество.

Рядом с задачами организации производства стоит, как мы уже говорили, вторая наша задача — освобождение труда. Когда мы говорим о передаче производства в руки профессиональных союзов, мы, конечно, не предполагаем, что эти союзы будут собственниками выработанных ими продуктов. У нас нет возможности доказывать здесь, почему такое превращение общества в сеть простых производительных кооперативов не кажется нам ни желательным, ни возможным.

Профессиональным организациям должно принадлежать только заведывание производством, тогда как продукты труда, как и все вообще наличные богатства, составляют имущество всей совокупности членов общества. Здесь возникает вопрос о распределении и об оплате труда. Мы не знаем, конечно, насколько в близком будущем удастся провести в жизнь анархо-коммунистические взгляды на этот вопрос — взгляды, резко расходящиеся с общепринятыми, даже в социалистической среде; но как бы то ни

было, наша деятельность должна неуклонно идти в направлении нашего понимания коммунизма и создания таких форм, которые наиболее к нему приближаются. Общий наш принцип можно формулировать так: труд и потребление должны быть разъединены; каждый член общества имеет право на свою долю общественного богатства не потому и не поскольку он ее заслужил своим трудом, а просто в силу своего прирожденного права на жизнь. А вносить свою лепту в общую сокровищницу он должен не под угрозою умереть с голоду, а потому, что, во-первых, труд — тот или иной — потребность всякого здорового человека, а во-вторых, он сознается как необходимое условие жизни общества. Это — единственная постановка вопроса, делающая труд действительно свободным. Практическая организация процесса труда — дело производителей; практическая организация распределения продуктов — дело потребителей, т. е. всего населения, организованного в разного рода ассоциации для этой цели.

Нам говорят, что для того широкого распределения по потребностям, которого требует истинный коммунизм, человеческие общества недостаточно богаты и что изобилие придет когда-нибудь, в эпоху, которую практически мы предвидеть не можем. Возможно, что и так; допустим самые неблагоприятные условия, даже крайнюю бедность. Но и здесь мы всегда должны отстаивать в первую голову удовлетворение потребностей, при том потребностей тех, кто наиболее страдает от лишений, наиболее слабых членов общества, и уже ни в каком случае не наиболее “ценных”, и “нужных” общественных единиц. Утешим “практичных” людей, которые нам скажут с насмешкой, что эти “благородные чувства” дорого обойдутся обществу: эти “практичные” люди очень близорукие экономисты. То, что истратится на “бесполезных” людей, с избытком покроется тем укреплением общественной солидарности, тем внутренним единением нового общества, которое, составит надежнейший источник его силы. Все эти пресловутые “лентяи,” о которых так много говорилось прежде, все эти остатки старой буржуазии, плохо приспособленные к труду, о которых говорится теперь, не обойдутся обществу так дорого, как обойдется создание в его среде категории париев.

Значение принципа, на котором построено в данном обществе распределение продуктов, громадно. От того или иного решения этого вопроса зависит и истинное освобождение труда, и обеспечение всестороннего развития личности, и самое существование безгосударственного общества. Этот пункт анархического мировоззрения, под страхом безысходных противоречий, не допускает никаких уступок. А между тем, именно здесь обычно легко мирятся с “временными,” “переходными,” совершенно бьющими мимо цели, решениями.

***

В политической области, ближайшая и очередная задача анархизма — борьба против всякой диктатуры, какого бы происхождения она ни была. Если мы считаем, что политическое будущее человечества — в свободном, безгосударственном обществе, то для нас очевидно, что не путем диктатуры разрешаются вопросы, поставленные “кризисом парламентаризма.” В связи с этим часто ведутся вокруг нас, да и в нашей среде, довольно хаотические споры о демократии. Как это ни странно, но демократия в главах некоторых отождествляется не

только с парламентаризмом, но даже... с господством буржуазии! Совершенно забывают, что такие факты исторической политической эволюции, как уравнение политических прав, усиление общественного контроля над властью, замена монархий республиками, расширение свободы слова, печати, партий, организаций и т. д. — все это завоевания демократической идеи, идеи свободы и политического равенства. Если буржуазия, при своем зарождении, явилась защитницею этих идей, то, конечно, не потому, что между ними и ее экономическим господством существовала внутренняя неразрывная связь, а потому, что сословный слой, с господством аристократии, ставил ее в положение подчиненного класса, бесправного “третьего сословия.”

Как угнетенные религией всегда являются защитницами свободы совести, так и угнетенные сословия и классы всегда борятся за политическое и юридические равенство, что не мешает им (когда победа достанется им) в свою очередь нарушать все те принципы, за которые они так горячо ратовали. Но от этого ни свобода, ни равенство, ни веротерпимость не перестают быть необходимыми требованиями человечества в его развитии. Идеал безгосударственного общества анархистов есть в сущности не что иное, как максимум развития демократических принципов, действительное, а не юридическое, не формальное только, торжество свободы. Поэтому, когда говорят, что анархисты отрицают демократию, это — слишком упрощенный способ выражения, который рискует повести к самым грубым ошибкам. Анархисты не демократию отрицают, а всякую государственность, даже демократическую, потому что и она даёт только фикцию: представительное правление, которое анархисты стремятся заменить действительным самоуправлением, т. е. свободным соглашением. Отношение анархистов к современной демократии совершенно обратно отношению к идеологам диктатуры. Одни говорят: “Современная демократия дает лишь фикцию свободы и самоуправления, будем бороться за их действительное осуществление”; другие говорят: “Демократия полна недостатков, а потому выбросим за борт всякую свободу и всякое самоуправление вообще.” Режим диктатуры — особенно диктатуры “революционной” — выдвинул вопрос о праве революционеров ограничивать свободу своих идейных противников. Оговоримся: речь идет не о праве самозащиты, с оружием в руках, если нужно, от вооруженного нападения: это право и даже долг — неоспоримы. Нет, речь идет о другом: в обществе, где превосходство сил оказалось на стороне революционеров, можно ли оправдать запрещение газет противников, их собраний, их организаций, вообще — их пропаганды? Собственно, для анархистов казалось бы диким ставить такой вопрос, но чего не бывает в наше парадоксальное время? Мы знаем, как определенно и самодержавно отвечают на этот вопрос большевики, и мы знаем — к стыду своему — что есть анархисты, оправдывающие весь этот деспотизм соображениями какой-то революционной необходимости. Но одно из двух: или мы считаем, что сильная власть может вести человечество вперед — и тогда мы — не анархисты, а сторонники “просвещенного деспотизма” или, если слово “анархизм” имеет для нас какое-нибудь содержание, мы рассчитываем в развитии человечества на его самодеятельность, на развитие личной и общественной инициативы, на благотворное действие новой, изменившейся среды, — тогда мы не можем ни в какой момент и ни.в какой мере мириться с приемами диктатуры. Наше отношение к политическим врагам может быть тогда только одно— то, которое так красноречиво выразил Вольтер: "Ваши идеи мне ненавистны, но я сделаю все для того, чтобы вы могли беспрепятственно распространять их.” А если кто-нибудь из мало

продумавших этот вопрос товарищей возразит : "Это вредное для революции прекраснодушие, то мы спросим его: Если то, что составляет самую душу анархизма кажется вам вредным, то почему вы — анархист? И в чем ваш анархизм?”

***

В выработке руководящих начал для практической деятельности анархисты наталкиваются на одно препятствие, на серьезность которого нельзя закрывать глаз. Ведь речь идет о том, какую положительную программу предложить массам в момент, когда революция предоставляет им — иногда очень не надолго — творческую роль и возможность положительной инициативы. Более чем вероятно, что к этому моменту анархическое понимание вещей ещё не успеет настолько проникнуть в массы, чтобы анархистам удалось увлечь их за собою на строительство анархо-коммунистического строя в его чистом виде. Для этого голос анархистов недостаточно громко раздается теперь, в подготовительный период, и даже если учесть те резкие перемещения влияния, какие бывают в момент революции (именно это выдвинуло в России большевиков), то во всяком случае не нужно забывать, что их влияние, не будет безразлично. Нельзя поэтому ожидать. что по-революционное общество станет сразу безгосударственным и вполне коммунистическим. Исходя из этого предвидения, некоторые наши товарищи, анархисты и синдикалисты, приходят к мысли о необходимости некоего "переходного периода" и такой частичной, минимальной программы, которая была бы в этот период осуществима.

Ход их мысди понятен -и всё-таки они стоят на ложном пути. Не повторяя всех наших старых аргументов против всяких программ-минимум вообще, напомним только одну историческую истину: партия, которая в какой-нибудь момент прячет половину своей программы, теряет эту половину навсегда, и то, что она вчера считала программою-минимум, становится всею ее программою. А так как прячется в таких случаях всегда именно идейная основа жизни партии, то скоро вся деятельность ее превращается в случайную, поворачиваемую всеми ветрами сегодняшнего дня. Как же быть? Выход, с нашей точки зрения, может быть только один: программа должна быть намечена, но не программа тех или иных конкретных достижении, на которых мы согласны помириться, а программа, так сказать, направления.

Вот, например, вопрос о государственной власти в по-революционном обществе. Можно сказать — и так говорят наши минималисты: “В переходном периоде власть сохранится для таких-то и таких-то функций (напр., борьбы с “контр-революциею,” или “власть должна быть в руках рабочих союзов, или советов” и т. д.). А можно поставить вопрос иначе: в чьих бы руках ни была власть, мы в каждый данный момент боремся за то, чтобы вырвать от государства и передать в руки общественных организаций как можно большее число функций: заведывание производством — профессиональным союзам, распределение продуктов — организациям потребителей, организация пользования землею — крестьянским союзам. И все остальное — по тому же плану, на основании того же общего принципа (школьное дело, санитарное и т. д.). На этом пути всякое завоевание будет победою анархической идеи и приближением ее полного осуществления. Путь этот имеет еще то огромное преимущество, что требует максимум развития общественной и личной

инициативы и самодеятельности, а потому сильнейшим образом ускоряет дальнейшее движение вперед.

Для периода до-революционного такого рода программа создает задачу подготовки для будущего таких организаций в различных областях жизни. Есть французская пословица: “Вполне уничтожено только то, что заменено. Когда в России была уничтожена вся частная торговля и государство взяло на себя обязанность снабжать население всем необходимым, оказалось, что бюрократические учреждения к этой задаче не подготовлены и частную торговлю нечем заменить (кооперативами, которые могли бы служить этой цели, воспользоваться не захотели по политическим соображениям). Отсюда — НЭП, восстановление прав частного капитала, обратный ход революции. Из всех уроков русской революции, самый важный для будущего, это, пожалуй, тот, что она показала, как легко разрушить экономическую жизнь и как трудно организовать ее.

Оттого-то так и важно изучение экономического строительства будущего заранее и подготовка к нему. Революция не должна быть поставлена в такое положение, чтобы возврат назад явился единственным средством спасти жизнь населения. Это — тяжелое банкротство.

***

В заключение — несколько слов об одной, очень серьезной, стороне дела. Каждый честный, добросовестный революционер чувствует, какую ответственность он берет на себя — он и его партия, — когда выдвигают требование полного, коренного переустройства общества. Особенно чувствуется эта ответственность в момент, когда открывается, после долгой борьбы, возможность практических осуществлений. И естественно является соблазн уклониться от этой ответственности, подождать, пока успех будет вернее обеспечен, пока масса будет более подготовлена. А между тем это очень опасно: история не ждет и упущенный момент может не возвратиться. Кроме того, только опыт может научить избегать ошибок, и успех может быть обеспечен только этою ценою. Идти на риск поэтому необходимо – сделавши, конечно, все для того, чтобы свести его до минимума. Кроме заблаговременной подготовки, о которой мы говорили, у анархистов есть в этом отношении еще одна гарантия: это — то, что они ничего не навязывают сверху, произволом декретов, а обращаются к инициативе самой массы. На этом пути вернее и с меньшими жертвами прививается то, для чего жизнь уже подготовила почву; то, что слишком опередило эпоху, предоставляется дальнейшей эволюции.

Такова наша общая идейная и тактическая линия, отклоняться от которой мы не можем все равно, далеко или близко осуществление нашего идеала.

Версия #3
Зверобой создал 21 февраля 2026 07:43:43
Зверобой обновил 21 февраля 2026 09:07:28